

ГЕРМАН КОГЕН. ЭСТЕТИКА ЧИСТОГО ЧУВСТВА

Предисловие к переводу

ТАТЬЯНА АКИДИНОВА

HERMANN COHEN. AESTHETIK DES REINEN GEFUHLS PREFACE TO THE TRANSLATION

TATIANA AKINDINOVA

Герман Коген (1842-1918) — основатель и глава Марбургской школы неокантианства, известен в отечественной науке прежде всего как логик, гносеолог, особенно в связи с его совместными работами с П. Наторпом в области исследования языка науки. Другие направления его философских изысканий оказались на периферии внимания широкой научной общественности по стечению целого ряда обстоятельств.

Социокультурная ситуация рубежа XIX-XX веков, выразившаяся в становлении стиля модерн, культивировании эстетизма, новаторства в искусстве, безграничной свободы творчества и настрое на «сбрасывание» классики с «корабля современности», в частности, мало подходила для сосредоточенного чтения объемистых томов «Эстетики чистого чувства» Когена, где эстетическое сознание и художественная деятельность подвергались

дотошному анализу, требовавшему для понимания основательной эрудиции, не имевшему тени претензий на изящество пера, где отчетливо проступала ориентация на наследование мировой художественной классики. Не случайно популярностью в интеллигентской среде пользовалась эстетика Баденской школы неокантианства, представители которой отличались доступностью изложения и тяготением к стилистическому блеску. Так уже в начале XX века появились переводы на русский язык эстетических работ В. Виндельбанда и Б. Христиансена.

Кроме того «Эстетика...» Когена была издана в Германии накануне Первой мировой войны (1912), и волна патриотических настроений в России с самого начала исключила возможность интереса русской читающей публики к немецкому философу.

Наконец, после Октябрьской революции изучение эстетического наследия Когена оказалось под негласным запретом в связи с тем, что в «Этике чистой воли», посвященной анализу фундаментальных этических проблем, мыслитель обосновывал возможность осуществления социально-политических преобразований общества только на условиях неукоснительного соблюдения законов морали. За что он оказался причисленным к идейным врагам коммунистической идеологии, провозгласившей насилие главным орудием в борьбе за светлое будущее человечества.

Тем не менее эстетика Когена, а позднее, его учеников и единомышленников в Марбургской школе, прежде всего в лице Наторпа (эстетические работы которого у нас практически до сих пор теоретически не освоены) оказала большое влияние на европейскую эстетику XX века, а через философию культуры Э. Кассирера, эмигрировавшего в годы нацизма в Америку, и на эстетику США, особенно в трудах С. Лангер.

Но и на эстетическую мысль России марбургское неокантианство также опосредованно оказало глубокое влияние. До революции среди стажеров в Марбурге находился студент из Санкт-Петербурга Н. Гартман, который, обосновавшись в Германии, использовал основные положения когеновской эстетики для разработки эстетической проблематики с позиций феноменологии. Вернувшийся после обучения у Когена, Наторпа, Кассирера М. И. Каган, вместе с Л. Пумпян-

ским и М. Бахтиным образует в Невеле «наш Марбург», идеи которого распространились последним затем в Ленинграде и нашли отражение в эстетических воззрениях отечественных мыслителей, хотя об этом предпочиталось умалчивать в сфере официальной советской науки.

Сегодня, в начале XXI века, эстетика Когена ждет нового прочтения. Вероятно, уже потому, что его позиция в философии, с одной стороны, содержала в себе предпосылки возникновения влиятельнейших течений в философии XX столетия, а с другой стороны, оказалась свободной от их однонаправленности. Например, трансцендентальный идеализм Когена никоим образом не ограничивается анализом одного только сознания, а ориентирован одновременно на изучение связи его с телесным бытием человека, которое пыталась сделать предметом своего эксклюзивного внимания философия второй половины XX века. В этом смысле философская систематика Когена сегодня может быть интересна как своеобразный опыт теоретического синтеза, в котором остро нуждается мысль нашего времени. В этом смысле, быть может, она, действительно, представляет собой некий аналог кантовской методологии.

«Эстетика чистого чувства» никогда ни в каких частях не переводилась на русский язык, и для вхождения в контекст представленного фрагмента (10 страниц почти из 1000!) нужно сказать несколько слов об эстетике Когена в целом.

Мыслитель трактовал философию как систему взаимосвязанных звеньев, поскольку предметом ее исследования является система качественно своеобразных форм активности сознания субъекта — мышления, воли и чувства. Соответственно, по аналогии с кантовской системой, у Когена философия предстает в виде «Логики чистого познания», «Этики чистой воли» и «Эстетики чистого чувства». Метод исследования поэтому «трансцендирует» от «фактов культуры», в которых воплощается деятельность сознания, к «изначальному происхождению» предметного содержания культурных форм в сознании субъекта. Сознание в целом Коген отличает от изначально бессодержательного состояния психики (сознательности), а эстетическое чувство — от бессодержательного состояния чувствования, которое затем может сопровождать различные

виды активности сознания (удовольствие), и критикует теорию «чувствования», полагающую независимым характер переживания от особенностей его предмета. Более того, Коген указывает на непоследовательность Канта в трактовке активности субъекта: если теоретический и практический разум анализируются им как творческая деятельность, то эстетическая способность суждения — только рефлексия о некотором познавательно-нравственном содержании (эстетической идее), а потому и суждение вкуса, и творчество гения предполагают продуктивность лишь познающего и нравственного, но не эстетического субъекта. Специфику («чистоту») чувства как творчества Коген видит в том, что оно синтезирует в себе содержание познания и нравственности, создавая предметное содержание искусства, не сводимое ни к науке, ни к морали, но самое сложное по своему составу, именно в силу своей интегральности. Эстетика поэтому оказывается у Когена завершающим звеном философской системы, без которого и предшествующие звенья не имеют необходимого целостного контекста и могут получить методологически несостоятельную теоретическую ориентацию.

Искусство же находится, таким образом, в двойственном отношении — связи и различия — к другим формам культуры: имеет их своими предпосылками, но преобразует их в чувство любви к неповторимой индивидуальности человека в единстве его духовно-телесной природы. Эстетический субъект, по Когену, в отличие от гносеологического и этического — индивидуальность, искусство — творчество любви как самочувствие человечества в человеке.

Рассматривая язык как инструмент формирования сознания, Коген раскрывает своеобразие речи, опосредующее художественное творчество: если наука говорит на языке понятий, мораль выражает себя в императивах доброй воли, то речевой синтез в искусстве осуществляется с помощью их соотношения — в метафоре. Метафорическая речь поэтому — собственный язык чувства, а поэзия — исток и предпосылка становления всех видов искусства. Любовь превращает изобразительную деятельность — в живопись, ритм и интонацию звукового ряда — в музыку. Эстетический субъект придает индивидуальность и гуманизм всем формам культуры.

В заключение скажем о некоторых терминах, понятных из контекста целого и трудно поддающихся адекватному переводу в коротком отрывке:

1. *Чистый, чистота (rein, die Reinheit)* — термин употребляется в том же смысле, какой придавал ему Кант, исследуя «чистый» разум, то есть имея в виду качественное своеобразие этой познавательной способности. Отличие трактовки названного кантовского понятия Когеном заключается лишь в том, что оно расширяется в своем использовании до определения своеобразия каждой трансцендентальной способности: чистый разум, чистая воля, чистое чувство.

2. *Относительный (relftiver)* — широко применяемый термин в анализе формирования сознания, характеризующий сопровождение становления содержания различных стадий сознания элементами предшествующих стадий — относимый к ним. Так, например, в процессе формирования мышления, возникающего на основе ощущения, понятия, предложения, оно сопровождается первоэлементами чувствования как чувством ощущения, чувством понятия, чувством предложения, которые поэтому являются относительными чувствами, так как отнесены к названным формам мышления. Однако спецификой относительных чувств является то, что они не имеют собственного содержания, возникнув на досодержательной стадии становления сознания, и не входят в содержание мышления.

3. *Совершенство (die Vollendung)* — понятие, характеризующееся у Когена сохранением в нем двух присущих ему в немецком языке значений: завершение и совершенство. В отношении сознания к самому себе во всей полноте наиболее адекватным является понятие завершение. В отношении к искусству, выражающему эту целостность сознания, точнее всего его можно было бы определить как завершение творческого акта созданием совершенства.

4. *Сознательность* — понятие, которое Коген противопоставляет сознанию: первое — прирожденное бессодержательное состояние психики, второе — творческая деятельность субъекта, созидающая содержание всех форм культуры. Однако сознательность — необходимая стадия, предпосылка формирования сознания.